

УДК 821.161.1:821.111'801.73

**ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ
АНГЛИИ И ЛОНДОНА В СОЗНАНИИ
А.С. ПУШКИНА: К ВОПРОСУ
РЕКОНСТРУИРОВАНИЯ ЛОНДОНСКОГО
ГОРОДСКОГО ТЕКСТА
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Л.С. Астамирова

Томский политехнический университет
E-mail: lubanyapr@hotmail.com

**Астамирова Любовь
Сергеевна**, канд. филол. наук,
доцент кафедры лингвистики и
переводоведения Института
международного образования и
языковой коммуникации ТПУ.
E-mail: lubanyapr@hotmail.com
Область научных интересов:
русская литература XIX в.,
художественный перевод,
стилистика текста.

С целью дальнейшего реконструирования Лондонского городского текста романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» в рамках изучения Лондонского городского текста русской литературы исследуются основы перцепции русским поэтом

образа Лондона в частности и Англии в целом. На основе изучения наследия поэта (включая частную переписку и черновые рукописи) делается вывод о том, что в отличие от образа, представленного в литературе путешествий первой трети XIX в., данный образ в творчестве поэта является не визуальным, а ментальным. Приводится анализ Петербургской топонимики как отражения глубины влияния Англии на русское общество указанного периода.

Ключевые слова:

Лондонский городской текст, А.С. Пушкин, Англия, Санкт-Петербург, образ, национальный характер, английская культура и литература, англomania.

Key words:

London urban text, A. Pushkin, England, St. Petersburg, image, national character, English culture and literature, Anglomania.

Необходимость изучения основ формирования концепции Англии и Лондона в сознании А.С. Пушкина в контексте изучения Лондонского городского текста русской литературы объясняется тем, что роман в стихах «Евгений Онегин», названный русской критикой «энциклопедией русской жизни», является центральным художественным произведением русской литературы первой трети XIX в., отражающим особенности русской ментальности и российские витальные явления. Англия в целом и Лондон в частности к моменту создания А.С. Пушкиным романа «Евгений Онегин» (1823–1831) глубоко проникли в различные сферы жизни России и ее столицы в особенности, и в романе «Евгений Онегин» Лондон не выступает в роли объекта описания, как в большинстве текстов, сформировавших Лондонский городской текст русской литературы указанного периода; он становится одним из его героев. Данный образ в романе является не визуальным, поскольку поэту так и не посчастливилось посетить столицу Англии, но ментальным, сформированным на основе интеллектуальных впечатлений.

А.С. Пушкину не было суждено познать Лондон, Англию, да и весь остальной западноевропейский мир эмпирически. В произведениях «невъездного» поэта этот мир был смоделирован и сконструирован на основе услышанного и прочитанного и на основе реальных впечатлений в той мере, в которой облик Петербурга, где жил и творил поэт, нес на себе печать английской культуры и был ассоциативен с лондонскими реалиями. Интеллектуальная составляющая английского мира заочно постигалась поэтом на протяжении всей его жизни. Английские образы, рисуемые «солнцем русской поэзии» в его произведениях, либо имели литературные корни, либо были вынесены им из периодической печати, светских бесед,

общения с путешественниками. В «Разговоре с англичанином» А.С. Пушкин на вопрос путешественника, был ли поэт в Англии, ответил: «Не удалось» [1. XI. С. 233].

Наталья Рубинштейн в интервью радио «Свобода» [2], упоминая тот факт, что А.С. Пушкин не ездил на запад дальше Пскова, приводит в подтверждение ремарку П.А. Вяземского, брошенную им на высказывания А.С. Пушкина, «обличавшие какие-то европейские несовершенства»: «Послушай, брат, съезди ты хоть в Любек». Как утверждает исследовательница, А. Пушкин рассмеялся в ответ Вяземскому.

Достоверно известно, что «подлинный русский европеец, никогда не бывавший в Европе» [3. С. 109.], посвятил 1828–1829 гг. изучению языка Туманного Альбиона. Вполне вероятно, что одной из побудительных причин, заставивших А.С. Пушкина выучить английский язык, было мнение его друзей. А.А. Бестужев в марте 1825 г. в письме к А. Пушкину признается, что он «с жаждою глотает английскую лит(ерату)ру, и душой [доволен] благодарен английскому языку». А. Бестужев отмечает, что английский язык научил его мыслить и обратил его к природе. Автор письма завершает его призывом: «Если можешь, учись ему. Ты будешь заплочен сторицею за труды» [1. XIII. С.150]. Н.Н. Раневский-сын в письме к А. Пушкину от 10 мая 1825 г., высказывая свое мнение о творчестве Л.П. Козлова, замечает, что «должно быть, он (Козлов – Л.П.) знает английский язык и изучал Кольриджа» [1. XIII. С. 536]. Поэт сам осознает необходимость изучения языка. Во второй половине ноября 1825 г. Пушкин пишет из Михайловского П.А. Вяземскому: «Мне нужен англ. яз. – и вот одна из невыгод моей ссылки: не имею способов учиться, пока пора» [1. XIII. С. 278]. Но к 1828 г. А.С. Пушкин находит возможность посвятить себя изучению языка Великобритании. М. Цявловский цитирует письмо П.А. Муханова, адресованное М.П. Погодину, написанное 11 августа 1828 г., где говорится, что «Пушкин учится английскому языку, а остальное время проводит на дачах» [4. С. 70]. Позже, в 1829 г., «Московский телеграф» сообщил своим читателям, что за четыре месяца поэт выучил английский язык и теперь читает Байрона и Шекспира в подлиннике «как на своем родном языке». А.А. Долинин замечает, что занятия поэта английским языком сводились к чтению в оригинале интересовавших его авторов, центральное место среди которых было отдано Вордсворту, Кольриджу и Саути [5]. В. Кулешов приводит оценку знания английского языка А. Пушкиным, данную М.В. Юзефовичем: по мнению последнего, поэт «безукоризненно» переводил с английского, «совершенно правильно» мог понимать отдельные слова и фразы, но не имел ни малейшего представления об английском произношении [6].

Л.М. Аринштейн [7. С. 139], ссылаясь на исследования Л.А. Черейского, приведенные последним в книге «А. Пушкин и его окружение», утверждает, что среди 2500 знакомых А. Пушкина англичан было не более двадцати, но при этом им отведено важное место в кругу общения поэта.

За годы своей жизни А.С. Пушкин общался с известными английскими художниками, среди которых был Томас Райт, автор гравированных портретов В.А. Жуковского, Н.И. Греча, А.Н. Оленина. В 1836 г. английский живописец нарисовал портрет Пушкина с натуры, а в 1844 г., уже после смерти поэта, выполнил портрет супруги поэта. А. Пушкин был знаком и с Джорждем Доу, английским портретистом, имя которого уже было упомянуто. Поэт высоко оценил созданные англичанином портреты Военной галереи. В 1828 г. художник выполнил портретный набросок А. Пушкина, который, к сожалению, не сохранился. Ответом поэта на портрет было стихотворение «To Dawe»: «Зачем твой дивный карандаш / Рисует мой арапский профиль? / Хоть ты векам его предашь, / Его освищет Мефистофиль. / Рисуй Олениной черты. / В жару сердечных вдохновений, / Лишь юности и красоты / Поклонником быть должен гений» [1. III. С. 101]. В мае 1828 г. живописец участвовал с А. Пушкиным в поездке в Кронштадт. Имя художника упомянуто А. Пушкиным в «Полководце» и в «Путешествии в Арзрум».

Среди знакомых поэта был английский посол в Петербурге лорд Уильям Хейтсбери, жена которого даже после возвращения в Англию выписывала себе из России книги и музыку, а также перевела на английский язык стихотворение А. Пушкина «Талисман». Дневник поэта свидетельствует о том, что в 1833 г. он встречался с другим дипломатом, Джоном Дунканом Блайем [8. С. 40]. Судя по всему, имели место встречи и с такими представителями

дипломатических миссий, как Чарльз Лондондерри и Артур Мнеджинс. В июне 1820 г. А. Пушкин с Н.Н. Раевским-младшим и С.И. Мещерским в Пятигорске посетил Джорджа Уиллока, брата английского поверенного в делах в Иране Генри Уиллока.

В Одессе А. Пушкин встречался с лондонским негодантом Чарльзом Томсоном, бывшим хорошим знакомым А.И. и Н.И. Тургеневых. Англичанин проживал в России в 1815–1817 и 1821–1823 гг., ведя дела своего отца. В мае 1828 г. на пароходе из Петербурга в Кронштадт А. Пушкин был представлен Грибоедовым Джону Николу Роберту Кэмпбеллу, старшему сыну главы совета директоров Ост-Индской компании Роберта Кэмпбелла, который с 1824 г. по 1830 г. был секретарем английской миссии в Персии. Знал А. Пушкин и упомянутых выше Чарльза Берда («По словам П.И. Бартенева (со слов С.Н. Гончарова), ему «положительно известно, что А.С. Пушкин продал заводчику большую бронзовую статую Екатерины (II) за три тысячи ассигнациями» [8. С. 36] и Александра Вильсона, который 18 декабря 1835 г. прислал Пушкину письмо с рукописными материалами по «Истории Петра I».

Пушкин был знаком с рядом английских путешественников, посетивших Россию. Среди них был Томас Рейкс, сын управляющего Английским банком. После визита в Россию Рейкс написал книгу «A visit to St. Petersburg in the winter of 1829–1830», в которой рассказал о своем знакомстве с А. Пушкиным. В мае 1831 г. А.С. Пушкин и другой путешественник, по фамилии Нидгем, участвовали в санном катании, устроенном С.И. и Н.С. Пашковыми.

Англичанин Колвиль Фрэнкленд, еще один путешественник, описал опыт своего общения с русским поэтом в книге «Narrative of a visit to the courts of Russia and Sweden, in the years 1830 and 1831. By captain C. Colville Frankland, R. N. In two volumes. London, Henry Colborn and Richard Bentley, New Burlington Street», 1832, в которой путешественник рассказал о трех своих встречах с А. Пушкиным, произошедших в мае 1831 г. [9. С. 302]. Кольвиль Фрэнкленд приехал в Санкт Петербург 27 сентября 1830 г., а 19 июня 1831 г. он уже отбыл в Англию. Сразу же по приезде в столицу России Фрэнкленд был представлен высшему свету благодаря своим знакомым, русским и англичанам. Путешественник стал постоянным посетителем княгини Юсуповой и графини Фикельмон, где ему и удалось раздобыть рекомендательное письмо к А. Пушкину, проживавшему тогда в Москве. Встреча состоялась 7 ноября 1830 г. Разговор русского поэта с английским путешественником носил общественно-политический характер, и, вероятнее всего, именно он лег в основу «Разговора с англичанином» (варианта к 5-ой гл. «Путешествия из Москвы в Петербург» А. Пушкина).

Возможно, представление А.С. Пушкина об английском национальном характере формировалось и под воздействием общения поэта с доктором медицины, членом медицинских и хирургических обществ Лондона и Парижа, Вильямом Хатчинсоном, который, кроме того, был еще и домашним врачом Воронцовых. В письме к П.А. Вяземскому, написанному А. Пушкиным в апреле–мае 1824 г. в Одессе, поэт назвал хирурга «глухим философом, единственным умным афеем» [1. XIII. С. 92]. В круг знакомых А.С. Пушкина входил и Джеймс Эдвард Александер, английский офицер, побывавший в России в 1829 г., который сообщил о знакомстве с А.С. Пушкиным и В.А. Жуковским в вышедшей в 1830 г. в Лондоне книге «Путешествие к театру военных действий на Востоке через Россию и Крым в 1829 г.». В Москве и Петербурге русский поэт встречался с капитаном британского королевского флота Фредериком Чембером, который побывал в России в 1827–1828 гг., о чем в 1830 г. было напечатано в лондонском журнале «The New Monthly Magazine».

Среди знакомых англичан А.С. Пушкина был и владелец английской книжной лавки в Петербурге г. Т. Киртон [10]. Исследователям не удалось установить, когда он открыл книжную лавку, но, судя по всему, около 1831 г. между поэтом и книготорговцем были приятельские отношения: англичанин назвал себя «добрым другом» А. Пушкина, подписав подаренную поэту книгу, на титульном листе которой стояло: «Euvres de La Bruyère. A Paris, 1820, chez A. Bélin» («Сочинения Лабрюйера». Париж, 1820, изд. А. Белен). Еще одним книгопродавцем, снабжавшим Пушкина иностранными книгами, был Лука Диксон. «По свидетельству Я. Грота, в 1834 или 1835 он встретился с Пушкиным в магазине Д., где Пушкин требовал книг, относящихся к биографии Шекспира, и, говоря по-русски, расспрашивал о них книгопродавца» [8. С. 139].

Приобщение А.С. Пушкина к английской культуре и расширение интеллектуального кругозора, как замечает Е.С. Роговер [11], шло через его окружение. Автор акцентирует важность в страноведческом аспекте встреч А. Пушкина с дипломатом Я.Б. Козловским, который не единожды путешествовал в Великобританию. В 1836 г. поэт посвятил ему стихотворение, в котором назвал дипломата «другом бардов английских».

В круг знакомых поэта входили также англичанин Слоан, которого в «Воображаемом разговоре с Александром I» поэт назвал «английским шалопаем» (XI, 23), Джон Фильд, пианист и композитор, Л. Сихлер, владелица магазина «модных товаров» в Петербурге, у которой Н. Пушкина заказывала для себя товары.

Нельзя переоценить внимание поэта к английской литературе. Бесспорна роль Шекспира в творчестве А.С. Пушкина. Этот вопрос в литературоведении широко исследован (см.: П.В. Анненков, П.О. Морозов, М.А. Цявловский, Д.П. Якубович, Г.О. Винокур, М.П. Алексеев, Г.А. Гуковский, Ю.М. Лотман, Ю.Д. Левин, Т. Шоу, А.А. Полинин, Д.М. Урнов, М.Н. Виротайнен, Э.И. Худошина, С. Евдокимова, С.Д. Черкасский и др.). Исследователи подчеркивают внимание А. Пушкина к рыцарским романам о короле Артуре; отзвук «Кентеберийских рассказов» Д. Чосера может быть услышан в «Графе Нулине» и «Сказке о царе Салтане» [11]. «Роман на Кавказских водах» и «Капитанская дочка» дышат Вальтером Скоттом, «Медок», «Родриг», «Анчар», «Сонет» и «Летнее утро» демонстрируют интерес поэта к «озерной школе». Дж. Мильтон, Д. Беньян, Л. Стерн, Г. Фильдинг, Э. Бульвер-Литтон, Б. Корнуоль и др. – знаменитые имена английской литературы, не оставшиеся незамеченными русским поэтом. Конечно, Англия интересовала поэта как родина Байрона. Е.С. Роговер отмечает, что оценки английского поэта у Пушкина значительно менялись на протяжении его жизни: «От страстного увлечения поэтом в период южной ссылки <...> Пушкин перешел к преодолению байроновского воздействия, спокойному аналитическому рассмотрению субъективизма английского поэта <...>, пародированию в “путешествии Онегина” романтических странствий Чайльд-Гарольда. Однако до конца жизни русский поэт высоко ценил “бездну мыслей, чувств и картин” в творениях английского гения» [11. С. 4].

Образы Лондона, Англии и англичан не единожды репрезентированы на страницах произведений великого поэта и прозаика. В 1831 г. Пушкин предлагает некоторые замечания по поводу английских и французских журналов в сравнении их с русскими (Обозрение обозрений) [1. XI. С. 194]. В «Послании к цензору» А. Пушкин, размышляя о литературной ситуации в России, приходит к следующему выводу: «Что нужно Лондону, то рано для Москвы» [1. II. С. 267], а позднее в черновой редакции «Путешествия из Москвы в Петербург» поэт замечает: «Что почиталось в Англии и во Франции честью, то было бы у нас унижением» [1. XI. С. 228].

Так, в 1830 г. в «Литературной газете» за № 12 в отделе «Смесь» было напечатано следующее высказывание А. Пушкина о Туманном Альбионе: «Англия есть отечество карикатуры и пародии. Всякое замечательное происшествие подает повод к сатирической картинке: всякое сочинение, ознаменованное успехом, подпадает под пародию. Искусство подделываться под слог известных писателей доведено в Англии до совершенства» [1. XI. С. 18].

Пушкина глубоко волновала проблема национального характера. В отрывке «О народности в литературе», вышедшем из-под пера автора в 1825–1826 гг., А.С. Пушкин пишет: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более и<ли> менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» [1. XI. С. 40]. В стихотворении «К Наташе» [1. I. С. 7], написанном еще в 1813 г., поэт раскрывает свои стереотипы восприятия разных народов. В представлении А. Пушкина, китаец учтив, американец груб, немец – с колпаком на волосах, с кружкой, пивом налитой, и с сигаркою в зубах; (позднее, в «Евгении Онегине», немец назван Пушкиным аккуратным (IV, 20)). В отрывке 1821 г. грек предстает болтливый, турок молчаливым, еврей сребролюбивым, перс важным, а армянин хитрым.

В сознании поэта сформирован и собирательный образ англичанина и Англии в целом. Так, в «Пиковой даме» поэт награждает англичанина эпитетом холодный [1. VIII. кн. 1. С. 247], в «Опровержениях на критики» англичанин назван образованным [4. XI. С. 162], в «Разговоре с

англичанином» – свободным [1. XI. С. 231]. В «Разговоре о критике» поэт отмечает аристократическую гордость английских лордов, которые для защиты собственной чести готовы «отвечать на учтивый вызов gentleman или снять с себя фрак и боксовать на перекрестке с извозчиком» [1. XI. С. 91]. Именно в Англии лирический герой пушкинского «Вадима» «искал кровавых (в черновиках «правдивых») сеч и славы дальней» [1. IV. С. 141]; в стихотворении «К вельможе» герой скучает над «скупой» Темзой [1. IV. С. 218]; в стихотворении 1818 г. «Когда сожмешь ты снова руку» Лондон награжден эпитетом «мрачный» [1. II. С. 57]; в «Послании к Юдину» наряду с пышными чехлами Лиона упоминаются «сукны Альбиона» [1. I. С. 168]; в «Примечаниях к Цыганам» встречаем упоминание об английских путешественниках [1. XI. С. 22].

В контексте исследования представляет интерес и переписка поэта. Так, например, в августе 1819 г. в письме к Н.И. Кривцову поэт обращается к адресату «житель свободной Англии» [1. XIII. С. 10]. В письме к Н.И. Гнедичу от 27 июня 1822 г. А. Пушкин отмечает, что «английская словесность начинает иметь влияние на русскую», и отмечает, что это влияние «будет полезнее влияния французской поэзии робкой и жеманной» [1. XIII. С. 40]. Поэт рассуждает о французской и английской истории в письме П.А. Вяземскому от 5 июля 1824 г. [1. XIII. С. 102], а 27 мая 1826 г. Пушкин, находясь во Пскове, пишет П.А. Вяземскому: «Мы живем в печальном веке, но когда воображаю Лондон, чугунные дороги, паровые корабли, англ. журналы или парижские театры <...> – то мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство» [1. XIII. С. 280].

А.С. Пушкин не мог не отметить явление англomanии, захлестнувшее русское общество, придя на смену галломании. Лондон воспринимался как город, близкий по духу, «другой», но «нечужой». В светских кругах культивировался английский образ жизни. Лондон вторгся в Санкт-Петербург и в Россию в целом. Так, Г.И. Муромский в «Барышне-крестьянке» разводил английский сад, обрабатывал свои поля по английской методе, нанял для образования своей дочери мадам англичанку, набеленную и затянутую в рюмочку, одевал своих конюхов английскими жокеями, читал английские журналы, черпая в них истории о человеческом долголетии, в общем, говоря словами Берестова, проявлял «английскую дурь» и «разорялся по-английски» [1. VIII. кн.1. С. 109–121]. Каменный дом, выстроенный во вкусе английских замков, и английские сады появляются и в «Дубровском» [1. VIII. С. 208–209].

Великий поэт, бесспорно, чувствовал влияние Англии на русское общество, нашедшее отражение и в Санкт-Петербургской топонимике. Начиная со второй половины XVIII в. Англия шаг за шагом входила в жизнь Российской столицы, чтобы навсегда остаться в ней. Название улиц Санкт-Петербурга, его архитектура и парки словно дышали Англией. Это было детерминировано реальным участием английских архитекторов в формировании Петербурга.

Вот лишь некоторые британские следы на карте Петербурга:

Камеронова галерея, одно из зданий архитектурного ансамбля Екатерининского дворца в Царском селе, была построена шотландцем Чарльзом (Карлом Карловичем) Камероном, одним из ярчайших представителей классицизма в русской архитектуре. Императрица Екатерина II лично пригласила архитектора для создания интерьеров в ее загородной резиденции. Чарльз Камерон, знаток английской парковой культуры, на русской земле создал один из лучших в мире пейзажных парков – Павловский парк.

Строения в пейзажной части Александровского парка были возведены по проекту Адама Адамовича Менеласа, который приехал в Россию в 1784 г. и первоначально работал с Ч. Камероном в Царском Селе. Но уже с 1785 г. британец работал под началом Н.А. Львова и в 1798 г. был назначен архитектором Практической школы земледелия в Царском Селе.

Мосты, без которых уже в XIX в. нельзя было представить Северную столицу, также проектировались и строились совместно с английскими архитекторами, среди которых был известный шотландец Вильям Гесте. По его проектам и под его руководством в период с 1806 по 1820 гг. в Санкт-Петербурге были построены великолепные мосты: Александровский, Обводный, Зеленый, Красный и Поцелуев. Известный шотландец с 1808 по 1832 гг. занимал должность городского архитектора Царского села. «Образцовые» проекты В. Гесте, который фактически возглавил градостроительство в России, стали обязательным руководством при строительстве в Российских губерниях.

В историю Санкт-Петербурга вошло также имя баронета Виллие, (английского хирурга Якова Васильевича Виллие, или Джеймса Уайли, прибывшего в Санкт-Петербург в конце XVIII в.), в честь которого была названа клиническая больница.

Открытие в 1826 г. Военной галереи стало триумфом для знаменитого английского живописца, Джорджа Доу, прожившего в Санкт-Петербурге 10 лет (1819–1829). Он создал галерею портретов участников кампании 1812–1814 гг. Под руководством Д. Доу было написано 336 портретов, 100 из которых были созданы рукой самого мастера. В 1828 г. художник, почетный член Петербургской Академии художеств, был награжден званием первого портретного живописца русского императорского двора.

Производство и промышленность, активно развивавшиеся в России начала XIX в., также были тесно связаны с экономическими успехами Англии и предприимчивостью ее представителей, реализовавших свои таланты в России. К примеру, в 1815 г. в пруду Таврического дворца был продемонстрирован первый в России пароход под названием «Елизавета», изготовленный на заводе, располагавшемся на Матисовом острове и принадлежавшем шотландцу Чарльзу Берду. Со временем все пароходостроение России оказалось сосредоточено в руках предпринимателя. На заводе Берда были изготовлены барельефы Александринской колонны, фигуры для здания Сената и Синода, части купола Исаакиевского собора, фонари, решетки, детали висячих мостов. Имя Берда, известнее которого, пожалуй, не было в промышленных кругах Санкт-Петербурга, навсегда осталось в топонимике города, т. к. было дано мосту через р. Пряжку.

Скульптурные арки Главного штаба, Нарвских и Московских ворот были выполнены в цехах Александровского литейного завода, управляющим которого был выходец из Великобритании, инженер Матвей Егорович Кларк. Под его руководством были также сконструированы перекрытия Александринского театра и Зимнего дворца, чугунные триумфальные ворота в Царском Селе.

Руководителем Адмиралтейских Ижорских заводов Санкт-Петербурга, на которых в 1816 г. была изготовлена первая в России паровая машина для колесного парохода, с 1806 г. по 1856 г. являлся другой предприимчивый англичанин – Александр Яковлевич Вильсон [12].

Сквер на площади искусств был создан по проекту английского садовника Джозефа Буша. В Петергофе, благодаря Джеймсу Медерсу, известному английскому дизайнеру садов и парков, был разбит Английский парк. Таврический сад, расположившийся в центре Петербурга, обязан своим рождением англичанину Уильяму Гульду. В 1753 г. в Санкт-Петербурге была открыта Англиканская церковь, в конце XVIII в. были основаны Английский клуб и Английский театр [13]. На углу ул. Гороховой и ул. Большой Морской в XVIII в. находился английский магазин и читальня Watkins&Co [14. С. 19].

В «Романе в письмах» А. Пушкина Саша отвечает в письме Лизе: «Что ж, он прекрасный жених... Зачем не выдти (sic) за него, – ты жила бы на Агл.<инской> набере<ежной>, по субботам имела бы вечера, и всякое утр<о> заезжала бы за мною» [1. VIII. кн. 1. С. 48]. К концу XVIII в. многие торговцы из Великобритании, члены Русской Компании, приобретали на этой набережной свои дома, здесь была открыта и первая Англиканская церковь, после того как в 1718 г. Английское торговое общество купило дом у графа Шереметьева для этой цели. Как отмечает Ю.М. Лотман, Английская набережная Невы была одним из излюбленных мест гуляний петербургских франтов в 1810–1820-х гг. [15]. Лирический герой повести «Гости съезжались на дачу» Вольский влюбляется в девушку лишь потому, что «Г**<осударь>, встретив ее на Англинской набережной, целый час с нею разговаривал» [1. VIII. кн. 1. С. 35].

На Английской набережной располагался Английский магазин, в котором красавицы из «Египетских ночей» покупали себе альбомы [1. VIII. кн. 1. С. 263], где, возможно, Дуня из «Станционного смотрителя» приобрела себе английское седло [1. VIII. кн.1. С. 104]. Может быть, именно там одевался Кипренский – «любителю моды легкокрылый, / хоть не британец, не француз» [1. III. С. 10]. И вполне вероятно, что не один раз в этот магазин заглядывал модный Петербургский франт, англоман, Евгений Онегин.

А.С. Пушкин был убежден в необходимости усвоения достижений западной культуры для развития России, осознавая, что условием развития любой культуры является, наряду с сохранением своеобразия, открытость прогрессивному влиянию. Сам же А.С. Пушкин, не имея

возможности побывать в Западной Европе, через литературу и общение с носителями другой культуры смог воспринять и впитать ее. Лондонский городской текст в романе «Евгений Онегин» отчетливо отражает влияние английской столицы на самые разнообразные стороны жизни русского общества и содержит пять субстанциальных элементов: материальный, гастрономический, физиогномический, ментальный и интеллектуальный аспекты описания, формирующие материально-культурную и духовно-культурную сферы. Дифференциальной чертой данного мирообраза Лондона, отличающей его от образа, представленного на страницах литературы путешествий пост-карамзинского периода, является то, что он сформирован на основе представлений о столице Туманного Альбиона, существующих в русском обществе рассматриваемого периода и в большей мере отражает суть английской столицы, пропущенную через призму русского национального сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т., М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.
2. Пушкин за границей // Радио свобода. 2004. URL: <http://www.svoboda.org/programs/OTB/1999/OBP.02.asp> (дата обращения: 11.23.2004).
3. Вольперт Л. Пушкин и Европейское мышление (Книга А. Токвиля «О демократии в Америке») // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. IV (Новая серия). – Тарту, 2001. – С. 109–126.
4. Цявловский М. Пушкин и английский язык // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. – СПб., 1913. – Вып. 17–18. – С. 70.
5. Долинин А.А. Из разысканий вокруг «Анчара». Источники, параллели, толкования // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999. Материалы и исследования / под ред. Д. М. Бетеа, А. Л. Осповата, Н. Г. Охотина и др. – М., 2001. – С. 11–41.
6. Кулешов В.И. Пушкин: Жизнь и творчество // Новое литературное обозрение. 2004. URL: <http://nlo.magazine.ru/archive/468.html> (дата обращения: 12.11.2004).
7. Аринштейн Л.М. Английский путешественник о встрече с Пушкиным // Временник Пушкинской комиссии, 1976 / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. – Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1979. – С. 139–144.
8. Черейский Л.А. Пушкин и его окружение / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. Отв. ред. В.Э. Вацуру. – Л.: Наука, 1989. – 544 с.
9. Казанский Б.В. Разговор с англичанином // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – Вып. 2. – С. 302–314.
10. Перпер М.И. Англичанин книготорговец, еще один знакомый Пушкина // Временник Пушкинской комиссии, 1979 / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. – Л.: Наука, 1982. – С. 142–146.
11. Роговер Е.С. Пушкин и английская культура // Пушкинские чтения-98: Материалы межвузовской конференции. – СПб: ЛГООУ, 1998. – С. 3–7.
12. Cross. A. Forgotten English Places in Petrograd/Leningrad // Петербург столица русской культуры (Сборник статей под ред. А. Д'Амелия). – 2004. – Т. 1. – С. 135–149.
13. Чеснокова А.Н. Британцы в Петербурге // Петербург и мир. 2003 г. URL: <http://www.300online.ru/foreign/english.html> (дата обращения: 10.09.2004).
14. Костылев М. Британия в Санкт-Петербурге // МОБИ, Журнал Посольства Великобритании в России. – 2003. – № 4. – С. 18–19.
15. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. – Л.: Просвещение, 1980. – 374 с.

Поступила 16.11.2011 г.